

Троценко Иван Павлович

Родился я в 1918 году в Новосибирской области Здвинский район в селе Нижний Урюм (раньше называлась Лохмотка). Кроме меня в семье был старший брат Михаил (с 1908 года рождения) и сестра Устинья (с 1915 года). У сестры были свои подружки, а у меня свои товарищи. Играли в шарик, который делали из березового корня (сейчас такая игра называется лапта); “чижик - пыжик”, “кто заяц – кто собака”, прятки; но больше всего любил играть в мячик, который делали из скатанной коровьей шерсти и обшивали кожей.

Но не только игры радовали меня в жизни. Помню радость по случаю покупки мерина, которого называли “Трактор”; рождение Зорьки – телочки. И вся радость детства растаяла в 1931 году. Тогда многих из нашей деревни отправили на подводах. Отправили и нас: мать (отца я не помню, его давно уже не было), брата со снохой, меня и сестренку. Лишь через много лет, когда я хотел поднять вопрос об имуществе, узнал, что причиной высылки была эксплуатация чужого труда. Причем не мы с мамой, а брат, который жил отдельно, нанимал работника, чтобы избушку справить. Но тогда никто не разбирался. Мама винила себя: думала, что она со снохой в колхоз не вступала. Брат их тогда уговаривал, а они не хотели.

В Томске в Черемошках посадили на баржу, и три баржи в мае шли до Баранаково. Сколько не вспоминаю, помню как всю дорогу плакала дочка брата Катя – ей было всего три годика, а сноха ждала ребенка и мать пыталась успокоить Катю лишней ложкой болтушки (мука с водой) и тем, что успели захватить из дома. Нас привезли на остров между р. Ягодной и р. Юргой, на голое место. К р. Оби не разрешали подойти, стоял конвой; пили, стирали, мылись в озерце. Там нам выдали паек, помню в нем была мука. Среди высаженных началась дизентерия (может холера), не успевали добежать до кустов, но меня эта участь миновала. Видимо, мать о нас заботилась больше, чем о себе: не разрешала играть ни с кем. Да и не до игр было. Умирали десятками, хоронили тут же, клали в землю и закапывали.

С острова нас отправили по р. Парбиг до поселка Красноярка (12км от Высокого Яра). Там брат со снохой отделились, а мы с мамой объединились с 2-мя семьями и соорудили на 3 семьи землянку. В Красноярке нам снова выдали пайки, но люди были голодными: следили, когда лошадь сдохнет – дохлятину ели, траву варили: лебеду, крапиву, гнилушки березовые. Осенью умерла племянница Катя, я ее хоронил один; брат с сестрой были на расчистке дорог. Через несколько дней у них родился Витя – и тоже умер. До сих пор помню, играли с Катей в “хлебушек”: разделяли ладошкой на части другую ладонь, как - будто бы хлеб и раздавали то ей, то мне. Так и умерла со словами “хлебушек”...

Мама начала опухать: ноги становились как подушки, лицо изменилось. Видимо, предчувствуя смерть, она отправила меня в декабре 1932 года домой. Говорила: "Иди, может быть хоть ты жив останешься". И я пошел. Мать умерла зимой 1932 года, хоронил ее брат, а я до сих пор не знаю, где ее могила.

Я шел 35 дней от деревни к деревне. Люди подавали куски хлеба, пускали на ночлег. Через Васюганские болота шли уже партиями, таких как я было много. На нас даже внимания не обращали. Взрослых на кордоне задерживали, а нас детей – не трогали. Вернувшись в деревню, жил у кого придется, кто пустит, там и ночевал. А в нашем доме находилась контора колхоза. Дом был добротный, покрыт железом. Дед построил всем своим детям хорошие дома – может быть и это сыграло роковую роль. Некоторое время спустя меня взяла жить в школу учительница. Она со своей семьей там жила, ну и я помогал ей. Школа тоже была покрыта железом.

Закончил 4 класса, а в 5-й нужно было ехать в другую деревню (д. Светлое). Там я продолжил учебу, но директор школы выставил меня на линейке перед всеми и сказал, что я – сын кулака. Начались избиения, унижения – я вынужден был бросить школу, вернулся в деревню. Скоро и

сестра вернулась в нашу деревню.

В милиции работал наш деревенский по фамилии Камыш, он помог ей сделать паспорт, ее приняли в колхоз. В 1936 году была засуха, мы списались с братом, который уже жил в Чалково. Мы переехали к нему и с 36 года у меня начался трудовой стаж. Я начал работать на лесозаготовках, и у меня начался другой период.

Потом будет война – доеду до Берлина на пятом танке, вернусь живым, женюсь, воспитаю сына и дочь, потом похороню сына, внука.. недавно. Вот и жизнь прошла...

- Деда, а где ты научился играть на аккордеоне?

- Да, мне кажется, я родился с этим умением.

У нас все играли: дед, отец, брат. Отец купил брату две “однорядки”. До высылки я уже играл на одной из них. Другую он никому не давал, а в 1936 году, когда мы переехали в Чалково, он подарил ее мне. Это был самый дорогой подарок для меня. А из Германии я привез аккордеон и недавно купил гармонь. Играю, никаких нот не знаю. Как понимаю, чувствую, так и играю. Но пальцы уже не те. Пою, еще и частушки сочиняю:

Две старушки на печи
Ждут омоложения,
Одной – 80 лет,
Другая – без движения.

Старик старую старуху
С печи за ноги стащил,
Утюгом ее разгладил,
Чтобы не было морщин.

(Публикация с сайта проекта ТОКМ «Сибиряки вольные и невольные»)